

Философско-теоретические основы принципа достоверности судебно-экспертной деятельности

И.А. Григорьев

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Филиал по Московской области, г. Одинцово 143006, Российская Федерация

Аннотация. Автор размышляет над философской проблемой достоверности экспертного знания не только как процессуального атрибута судопроизводства, но прежде всего как функционального принципа построения всей системы судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: *достоверность, допустимость, экспертное заключение, доказательства, экспертные доказательства, проверка надежности, эксперт, заключение, недопустимость, релевантность*

Для цитирования: Григорьев И.А. Философско-теоретические основы принципа достоверности судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 1. С. 26–40. DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-1-26-40.

Philosophical and Theoretical Foundations of the Principle of Validity in Forensic Practice

Igor' A. Grigor'ev

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow Region Branch, Odintsovo 143006, Russian Federation

Abstract. The author reflects on the philosophical problem of reliability of expert knowledge, not only as a procedural attribute of judicial proceedings, but primarily as a functional principle in building the entire system of forensic expert activity.

Keywords: *validity, admissibility, expert opinion, evidence, scientific evidence, reliability test, expert, opinion, inadmissibility, relevance*

For citation: Grigor'ev I.A. Philosophical and Theoretical Foundations of the Principle of Validity in Forensic Practice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No 1. P. 26–40. DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-1-26-40.

Достоверность – двусоставное понятие, включающие в себя две не менее емкие составляющие: достоинство и верность. Его общеупотребительное значение отражает доверительный смысл правдивости знания, достойного доверия. Достоверность экспертного знания – это процессуальная формализация знания, которая зависит от способа его организации в правосудии, где структура экспертного знания претерпевает существенные изменения: на первый план выдвигаются формализованные признаки вследствие введения юридически обязывающего построения воспринимаемых участниками процесса объектов, фактов и доводов. Такого рода конкретные

сущности используются в процессуальных теориях доказательственного права (см. [1–4] и др.), но там они не рассматриваются в качестве функционального атрибута деятельности, а играют роль признаков допустимости и относимости, отсылающих к идеальной умозрительной оценке судом процессуальных явлений и событий, лежащих по ту сторону от непосредственно экспертного восприятия.

В процессуальных, формализованных теориях признаки приемлемости экспертного знания становятся предметом изучения. Построение таких теорий начинается с юридических конструкций, рассматривающих заключение эксперта само по себе, не-

зависимо от значений, которые могут в нем содержаться. Только после введения процессуально воспринимаемых комбинаций свойств предмета доказывания по делу на их основе (с помощью процедуры проверки относимости и допустимости) вводятся смыслы, не относящиеся к сфере экспертного восприятия, т. е. идеальные объекты – законности или противоправности [5–7]. При построении процессуальных теорий используется объективация двух типов: материально воспринимаемые факты и идеальные умозрительные оценки, причем первые выполняют функцию первичных объектов в системе экспертного знания.

Природа знания, взаимоотношения материального и умозрительного, переходы от первого ко второму, от менее общего к более общему, приложение общего к отдельному издревле занимали философскую мысль. Со времен критики Аристотелем учения Платона об идеях, в учении о сущностях, о переходах от отдельного, единичного к общему и пр. сталкивали философские мировоззрения материализма и идеализма, спор между которыми не окончен по сей день. Однако выбор материально воспринимаемых фактов в качестве базиса и исходного пункта построения системы экспертного знания теоретически оценивается и как источник достоверности, и как причина недостатков, присущих формализованному мнению эксперта. Опора на непосредственно воспринимаемые факты придает заключению экспертизы как судебно-процессуальному акту ту степень очевидности, которая гарантирует отсутствие противоречий в судебной оценке явлений, относящихся к предмету доказывания; в то же время жесткая привязка к объектам материального восприятия рассматривается как причина процессуальных ограничений для экспертного познания, исходя из конкретно поставленных задач правосудия [8].

Действительно, если исходить из того, что основными объектами экспертного знания являются объекты материальные, а обращение к идеальным служит для суда лишь вспомогательным средством оперирования ими, то формализация экспертного знания выглядит как технологический прием, позволяющий достичь строго определенных целей: показать непротиворечивость набора фактов или алгоритмизировать процесс вывода по ним заключений. Процессуальные правоотношения замещаются при алгоритмизации принципиально иными –

материальными соотношениями интерпретации фактов. Формализация судебно-экспертной деятельности [9] (СЭД), рассматриваемая под этим углом, предстает попыткой подмены многообразия изучаемых в содержательных теориях экспертиз соотношений задач процессуального характера, имеющим место между материально воспринимаемыми фактами на определенных стадиях судопроизводства в строгой последовательности постановки вопросов эксперту и получения на них типовых ответов. Неосуществимость такой подмены определяется невозможностью полностью алгоритмизировать сложную и многообразную судебно-экспертную деятельность.

Суть проблемы достоверности экспертного знания, как она сформулирована в контексте материалистической традиции философии, заключается в том, что исходные факты, которыми оперируют эксперты, существуют только в качестве значений, добытых опосредованно, через субъективное знание участников процесса, так что сфера непосредственного экспертного знания ограничена субъективно воспринимаемыми сущностями (см. [10, 11] и др.). Предположим, что предмет экспертного знания непосредственно не определен для эксперта. В этом случае непонятно, каким образом он может получить о нем достоверное и общезначимое знание, учитывая его отличие от предмета процессуальных действий. Поэтому естественно предположить, что оно может быть в определенной форме заранее дано сознанию эксперта. Но очевидно, что оно должно быть дано его сознанию иначе, чем постановка вопросов эксперту, но каким же именно образом?

Для ответа на этот вопрос обратимся к философскому наследию. От Платона идет традиция умозерцания, рассмотрения предметов рационального знания в качестве идеальных сущностей, постигаемых посредством мышления и чувственного восприятия. Противопоставление двух познавательных способностей, мышления и чувственного восприятия, мы находим в философии Декарта, который считал, что мыслительная способность может функционировать отдельно и независимо от способности чувственного восприятия. Иными словами, переводя это на современный язык нашей проблематики, мышление суда может функционировать отдельно от экспертного восприятия фактов.

При анализе процесса современного экспертного познания можно обнаружить удивительное явление: все, что дано мышлению эксперта, имеет место в самом мышлении без привнесения в него процессуального элемента постановки вопросов правосудию. Предмет, анализируемый экспертом, всегда есть мыслимый предмет. В акте правосудия этот предмет сознание – непосредственного судебного усмотрения совмещаются и оформляются в виде процессуального решения [12].

В теории познания одним из основных постулатов является то, что предмет знания – это объект, нечто, лежащее вне сознания субъекта, трансцендентное ему, обладающее независимым от него существованием. Но именно Декарту мы обязаны пониманием того, что нечто мыслимое может быть первичным актом познания [13, 14]. В современной экспертной деятельности это проявляется в росте количества умозрительных задач, например о справедливости или несправедливости того или иного поведения, где сознание эксперта и предмет сознания находятся в неразрывном единстве.

Фактически правосудие апеллирует к тем или иным «очевидностям», но такого рода апелляция зачастую производится неявно в ходе развертывания теоретического построения и соизмерения с экспертными оценками мнений участников процесса. В своей теории формализации знания Гильберт [15] попытался решить проблему обоснования достоверности знания и выделить виды «самоочевидных» сущностей, доступных непосредственному восприятию с исчерпывающей ясностью и полнотой, а также определить сущности, не выводимые из непосредственного созерцания.

В целом возможны различные способы реализации этого философского подхода в современной СЭД, которая может быть ориентирована выбором классов сущностей: самоочевидных, неочевидных и очевидных процессуально. В качестве самоочевидных сущностей эксперт может принять объекты, изученные в определенной отрасли знания в том способе формализации теории, который был выведен исключительно из сферы непосредственного восприятия. Неочевидные сущности предполагают наличие разного восприятия предмета участниками процессуальной деятельности. Очевидные процессуально сущности могут быть, предположительно, обозначены в виде экспертных задач, решаемых процедурой установ-

ления фактов, – последовательными и рас-пределенными экспериментами с заданными параметрами и набором констант; либо когда решения определяются процессуальным фактом, например голосованием или консенсусом экспертов.

Если бы такие способы удалось внедрить на практике, то предложенный Гильбертом метод решил бы триединую задачу достоверности, обоснованности и формализации экспертного знания. Однако в общем виде представленный метод на практике сталкивается с вопросом о пределах судебного усмотрения в интерпретации экспертного знания: какого рода сущности могут быть даны правосудию с исчерпывающей очевидностью, чтобы не было необходимости обосновывать их достоверность с помощью более достоверных?

Относящиеся к проблеме экспертного знания фундаментальные суждения содержит философия Канта, который, в отличие от Декарта, решает ее с помощью функционального подхода к знанию с учетом двух познавательных способностей: чувственности и рассудка. Посредством чувственности воспринимаются воздействия от предмета исследования, в результате формируется его наглядное представление. При этом предмет воспринимается как некоторое пространственно-временное многообразие, соединение которого в единое целое обеспечивается рассудком. По Канту, мышление является не интуитивной, а исключительно дискуссионной познавательной способностью, поэтому предмет постигается лишь в акте чувственного созерцания: «...иным способом ни один предмет не может быть дан нам» [16].

Тем не менее экспертное знание о любом предмете, будь то материальный предмет, например след, или умозрительная схема, например в бухгалтерском учете, обязательно должно опираться на чувственное созерцание участниками судебного процесса. Для возникновения наглядного представления достаточно акта чувственного созерцания: «...наглядное представление вовсе не нуждается в функциях мышления» [там же]. «Достоверность возникает из сравнения идей и открытия таких отношений, которые пребывают неизменными, пока идеи остаются без изменения» [17]. В таком наглядном представлении присутствует концептуальная структура (предмет доказывания), упорядочивающее начало с присущей ему особой процессуальной

формой. Эта форма является в судопроизводстве априорной, характеризующей не структуру объекта, существующего независимо от судебного процесса, а способ оценки этого объекта в акте правосудия. Форма созерцаемого правосудием формируется посредством акта экспертизы, но ее характеристики определяются самим созерцающим. По мнению И. Фихте, «...доказательство имеет целью лишь условную, опосредствованную достоверность» [18]. Все становящееся предметом судебного созерцания приобретает процессуальную форму, отличающую созерцаемую экспертом сущность от сущности другого типа, осознаваемую посредством отвлеченного познавательного акта вне судебного процесса.

По мнению Лейбница, «...достоверность была бы ничтожной или, вернее, ее не было бы совсем, если бы для простых идей не существовало другой основы, кроме той, которую дают чувства» [19, с. 351]. Многообразие элементов достоверности в априорной структуре судопроизводства формируется через акт экспертного знания. Функции априорных форм в процессуальном представлении выполняют материальные объективации (время, масса, скорость и т. п.). Они структурируют и упорядочивают содержание экспертного представления. Упорядочивание достигается благодаря установленным законам отношениям между элементами многообразия. Например, процессуальное упорядочивание отдельных элементов предмета доказывания позволяет представить их во взаимосвязи и взаимозависимости. Благодаря такому расположению отдельные элементы образуют многообразие возможных вариантов их совокупного восприятия правосудием. Многообразие элементов экспертного знания неявно предполагает, что 1) каждый элемент многообразия может стать предметом судебного рассмотрения; 2) все элементы могут рассматриваться поочередно в порядке судопроизводства; 3) порядок фиксации внимания правосудия на том или ином элементе процессуально не предопределен однозначным образом. Так, последовательность оценки факта может начаться с события, а не с последствий (если преступника застигнут на месте преступления) или, наоборот, с последствия – результата правонарушения (когда есть только ущерб, но не ясно, кто его причинил).

Следовательно, представление о многообразии элементов может возникнуть в сознании эксперта лишь при условии выполнения им сложного акта созерцания, реализующего процессуальную функцию. Поскольку участники процесса могут созерцать элементы многообразия по отдельности, они предстают как располагающиеся по-разному относительно предмета доказывания. В терминах процессуального восприятия это означает, например, невозможность для одного и того же объекта находиться в разных местах одновременно. Поскольку от созерцания каждого элемента можно перейти к созерцанию любого другого, все они воспринимаются в процессе правосудия как единое целое, относимое к предмету доказывания.

Интерпретация же предмета доказывания в качестве априорных форм процессуального созерцания может рассматриваться как попытка осмыслить природу экспертного знания. Предметом экспертного знания может быть не только единичная сущность, но и структура, состоящая из многих элементов. Она существует лишь в контексте соответствующего процессуального акта, оформление которого (согласно установленным правилам и реквизитам) является необходимым условием его существования для правосудия. Слагающие многообразие элементы обретают процессуальные характеристики, которых нет у самих единичных элементов, – они указывают отношение каждого элемента к другим элементам предмета доказывания.

С одной стороны, элементы предмета доказывания трактуются натуралистически, в соответствии со свойственным обыденному сознанию способом видения вещей, т. к., согласно Канту, «...что-либо достоверно, поскольку познается невозможность того, чтобы некоторое познание было ложным» [20, с. 292]. С другой стороны, эти же восприятия связываются с определенными возможностями эксперта, а именно способностью материально и технически установить, так это обстоит или иначе. Но перенос экспертного суждения в процесс не затрагивает основной характеристики объективации знания. Трактую мнение эксперта как форму созерцания, свойственную процессуально определенной познавательной способности, суд превращает их в квалифицирующие признаки деяния по отношению к предмету доказывания. Согласно Гегелю, воспринимающее сознание диалектиче-

ски отменяет точку зрения чувств «...так, как оно должно было бы быть в непосредственной достоверности, в качестве подразумеваемого единичного, а в качестве всеобщего...» [21, с. 61]. Благодаря этой «привязке», характеризующей правосудие, происходит познание явления в целом и его частей по отдельности. Функциональный подход к осознанию любых явлений и состоит именно в таком обособлении результата познавательного акта экспертного знания от самого явления, превращении его в субстанцию правосудия, существующую либо самостоятельно, либо в составе других элементов или признаков предмета доказывания, но в любом случае – независимо от познания эксперта, представляемого на судебном заседании.

Соотнеся экспертное знание со способностью суда (или другого органа правосудия) разобраться в разъясненном экспертом явлении, правосудие получает возможность формально юридически объявить совокупность элементов предмета доказывания как результат рассмотрения дела, приговора, решения или иного судебного акта (см. [22] и др.). С другой стороны, категории экспертного знания используются судом и в совершенно ином контексте – с целью описания структуры созерцания, общего представления, формирующего сам предмет доказывания, который вообще не требует ссылок на экспертное знание. Здесь правосудие оперирует принципиально иными характеристиками существования материальных вещей, которые превращают их в элементы непосредственно осознаваемого судом предмета, именуемого правонарушением. Все, что в экспертном познании относится к области процессуального представления, содержит в себе исключительно отношение к норме закона.

Таким образом, экспертное знание представляет собой предметную структуру с многообразием элементов без указания их взаимоотношения в судопроизводстве, но которая не имеет места вне рамок судопроизводства. Объектом экспертного анализа в судопроизводстве становится сущность (многообразие элементов), толкуемая как предметная структура, формируемая в рамках определенного процессуального акта, наличная только в контексте последнего и потому от него неотделимая. Но гипотетическое рассмотрение многообразия элементов, когда понятие, обозначающее сущность, выделенную внутри некоторого

познавательного акта правосудия, можно трактовать так, как это делает эксперт исходя из материалистической установки сознания, не соотнося некую сущность с процессуальными актами, приведшими к ее образованию, – за пределами предмета доказывания.

По большей части эксперт и не знает, какие познавательные операции необходимы для формирования того или иного когнитивного образа предмета доказывания. Содержание, вкладываемое в это понятие, фиксирует образ, отделенный от познавательных актов, аккумулирует результаты многих ранее осуществленных познавательных операций в виде некоего набора неполных и неоконченных представлений, с помощью которых определяется наличие того или иного юридического факта. Очевидно, что такой образ будет недостаточным, представления о его достоверности будут варьировать в зависимости от психофизических особенностей конкретного участника процесса и эмпирической ситуации, в которой разворачивается СЭД.

Напротив, при технологическом каталогизированном подходе к экспертному знанию предметное содержание, фиксируемое с помощью соответствующих понятий, категорий и иных значений, может обрести четкую и вполне однозначную определенность, поскольку указываются условия, необходимые рамки для усмотрения предметной структуры явления. Но для этого необходимо каждый раз привлекать все знания о познаваемом объекте, полученные ранее, до выполнения данного акта экспертного познания, с учетом других познавательных операций, производимых в судопроизводстве одновременно с ним.

Экспертное знание о юридических фактах – это беспредпосылочное знание, в которое включается только та предметная структура, которая формируется и осознается в процессе выполнения конкретного процессуального действия. Причем эта структура рассматривается так, как она дана сознанию участника процесса, дающего экспертное задание, т. е. в соотношении лишь с познавательными операциями, необходимыми для формирования исключительно судебной-процессуальной реальности. В рамках экспертного познания нет неопределенных субстанций типа гипотез или версий, нет ничего такого, что может рассматриваться как существующее само по себе или в отношении к другим сущно-

стям-субстанциям, отвлекаясь от вопросов, поставленных перед экспертом.

Описание каталогизированной структуры многообразия элементов экспертного знания в терминах правосудия неизбежно приводит к смешению двух противоположных трактовок СЭД. С одной стороны, она рассматривается как возникшая в результате концентрации знания, формируемого независимо от судопроизводства. Так, Д. Локк считал, что «все истины, которые мышление может открыть для нас с достоверностью и с которыми может заставить нас вполне согласиться, запечатлены в душе от природы» [23]. С другой стороны, достоверность – это атрибут определенного процессуального акта, в котором отдельные элементы знания приобретают заранее обусловленные характеристики, относимые к конкретному предмету доказывания.

Для организации правового регулирования СЭД важно признать наличие единства в описываемой сущности экспертного знания. В попытках каталогизации его элементов есть безбрежно многое, но нет завершеного единства, поскольку экспертное знание предопределяет отношения между экспертом и судом (или другим участником процесса). Суд задает способ расположения элементов многообразия знания и одновременно выполняет функцию его оценки, по собственному усмотрению объединяющей элементы знания, связывающей их в некую целостность или совокупность, которая в результате процессуально оформляется как некая достоверная сущность, которая в действительности таковой не является.

Достоверность как отношение понимается как нечто, имеющее место в определенной совокупности элементов, или, как формулируется в теории доказательств, на допущении неопровержимости фактов. Например, отношение «подлог» характеризует взаимоотношение элементов «подделка» и «документ», входящих в состав правонарушения. Отношения качества документа имитации подразумевается до завершения исследования объекта. Установление отсутствия этих элементов не приводит к усмотрению предмета доказывания – подлога. Элементы, расположенные за пределами экспертного знания, остаются теми же самыми единичными элементами, какими они являются, если их рассматривать по отдельности, но они не превращаются в элементы процессуального знания, поскольку

правосудию в условиях неочевидности экспертного знания остается только пользоваться своим усмотрением [24, 25].

Достоверность экспертного знания выражает отношения между частями (элементами) целого, оцениваемые извне чувственным созерцанием, накладываемым на формализованный опыт судопроизводства и правосознания. Достоверность – это такой способ взаиморасположения названных элементов, который позволяет правосудию переходить определенным образом от восприятия одних элементов к другим. Но возможность раздельного восприятия элементов сама по себе не указывает, связаны ли воспринимаемые правосудием элементы между собой, и если связаны, то таким именно образом. Поэтому свойство множественности элементов (факторов) в оценке достоверности не имеет заранее определенного единства. Тем самым достоверность в правосудии является предпосылкой формирования собственно предметной области процессуального знания, совмещающей в себе и множественность элементов, и их единство.

Очевидно, что сущности, составляющие достоверность, нельзя ни осмыслить, ни процессуально описать на все случаи жизни. Отдельные элементы достоверности невозможно определить, не изменив их характеристик; если они останутся изолированными от судопроизводства, например, процессуальная форма заключения эксперта может быть соблюдена, но соотносительность элементов, возможность непротиворечивого перехода оценок от одного элемента к другому может быть нарушена. Чтобы правосудие могло воспринять все многообразие элементов достоверности, последнее, во-первых, не должно существовать отдельно от процесса, в абсолютно замкнутых восприятиях эксперта, а во-вторых, они должны иметь место в правосудии и в процессуальном правоотношении в виде СЭД, которая не только их объединяет, превращая в существенные элементы правовой оценки, но и обладает характеристиками, обеспечивающими их соотношение между собой для правосудия. Соотнесение достоверности при этом двояко: либо элементы, оставаясь изолированными сущностями, соотносятся друг с другом на уровне экспертного знания, либо сами элементы приобретают свойства правосудного знания. Ни тот ни другой способ соотношения нере-

ализуем вне судебно-экспертной деятельности.

С другой стороны, элементы достоверности остаются единичными ощущениями, когда они воспринимаются как данные эксперимента. Их упорядочение достигается за счет установления процессуальных отношений между элементами-ощущениями участников СЭД. То единичное в достоверности, что непосредственно дано правосудию, может отличаться в наглядном представлении в том виде, как его трактует экспериментатор, и в принципе может и не быть достоверным. Действительно, предположим, что суд поочередно концентрирует свое внимание на элементах явления; если он каждый раз видит перед собой только единичную сущность, обладающую безотносительными характеристиками, указывающими, что собой представляет именно эта сущность, но ничего не говорящими о том, в каком отношении она может находиться с другими элементами в динамике или статике эксперимента, то сколько бы единичных сущностей суд ни обозревал, он не способен будет увидеть достоверность. Чтобы сделать достоверность предметом непосредственного созерцания, суд должен, воспринимая каждый элемент, усматривать в нем, наряду с его собственными безотносительными свойствами, характеристики, различать в нем свойства, обуславливающие наличие у него одного из элементов достоверности. Это усмотрение суда формируется в процессе судопроизводства. Факт в том, что именно усмотрение судом относительных характеристик достоверности дает непосредственное созерцание явления с достаточной очевидностью и непротиворечивостью.

Обращение к достоверности, трактуемой как совокупность «признаков доказанной истины»¹, создает иллюзию понимания правосудием этого феномена. В процессуальной литературе минувшего века достоверность зачастую отождествлялась с истиной [2, 26], это понятие широко использовалось в советском уголовно-процессуальном законодательстве, и в теории криминалистики и уголовного процесса многие авторы считали достоверность истинностью [27–29]. Однако апелляция к экспертному созерцанию отдельных вещей как сосуществующих в предмете доказывания

делает как будто излишним вопрос, а что, собственно, видит эксперт, когда воспринимает отдельную вещь как одну из многих вещей, подлежащих доказыванию вне его мнения? Стоит только задаться этим вопросом, и становится ясно, что в действительности эксперт воспринимает как нечто данное не отдельную вещь, а вещь, предстающую перед ним как один из элементов правосудия, соотносящийся с предметом доказывания. Это следует учитывать, если пытаться до конца вникнуть в философский смысл феномена достоверности.

Итак, единство судопроизводства и экспертизы в принципе достижимо как на уровне раздельного восприятия фактов, так и в том виде, в каком оно формируется в акте экспертизы и в судебном акте. Достоверен тот установленный экспертом факт, который не вызывает сомнений у суда. Но также достоверно и экспертное мнение, которое во всякое время может быть доказано независимо от суда. Таким образом, достоверность предстает синонимом истины, различаемой судом субъективно в виде уверенности в объективной достоверности экспертного знания. Философский рационализм видит источник достоверности в разуме, эмпиризм – в опыте, скептицизм – в ясности и отчетливости. Д. Юм считал, что «достоверность возникает из сравнения идей и открытия таких отношений, которые пребывают неизменными, пока идеи остаются без изменения» [17, с. 135]. Он полагал, что полная достоверность достигается исследованиями явлений, «в которых выражаются аффекты», и уяснением того, как они «согласуются с рассуждением» [там же, с. 371].

Синтезирующая деятельность экспертного знания проявляется двояким образом. С одной стороны, эксперт не сможет во всех случаях убедить суд, «что из существования одного объекта всегда должно следовать существование другого» [там же, с. 680]. С другой стороны, усмотрение суда может быть столь же достоверным, как и математическое экспертное знание, когда его выводы основаны на ясных и убедительных показаниях свидетелей, очевидцев. Правосудие, превращая наглядно созерцаемые экспертом образы явлений, объединяет многообразие различных представлений на том основании, что все они мыслятся в пределах одного и того же предмета доказывания.

¹ Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под ред. ЭЛ. Радлова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1911. 284 с.

Весьма интересен в этой связи взгляд И.Г. Фихте: он считал, что в достоверности проявляется деятельная, присущая ей и выражающая собой истинную ее сущность сила. Сила достоверности обнаруживается «в том, что при данных определенных условиях, сама по себе и сама из себя, она производит определенное действие, именно это, а не какое-нибудь другое, и при том производит его с абсолютной достоверностью и неизменностью» [30, с. 77]. Принцип деятельности, возникновения и развития достоверности «находится безусловно в ней самой, поскольку она действительно сила, а не в чем-нибудь вне ее; сила не возбуждается и не приводится в действие; она сама себя приводит в действие» [30].

Единство апперцепции, проявляющееся во взаимном отождествлении экспертом и правосудием мыслимых сущностей, имеющих форму предмета доказывания, позволяет выделить достоверность как таковую, характеризующуюся определенными свойствами. По мнению Фихте, «доказательство имеет целью лишь условную, опосредствованную достоверность» [там же]. Основу единства предмета доказывания в суде, обладающего заданными законом характеристиками, составляют условные понятия. Благодаря подведению под них многообразия различных элементов, достоверность обретает признак единства. Единство, таким образом, как самостоятельный признак достоверности обеспечивается правосудием в целом и отдельными его институтами и стадиями в результате противопоставления многообразию разных и противоречивых сущностей (доводов сторон). Путем отношения доказательств к сущности из сферы экспертного знания к чувственному восприятию судом достоверность предстает объединенным качеством, благодаря наличию процессуального правоотношения по конкретному предмету доказывания.

Другое замечаемое философами свойство достоверности – это способность различения и проведения разграничений между разными идеями. «Нет познания без различения. <...> Недостаточно иметь смутное восприятие чего-нибудь вообще: если в уме нет ясного восприятия различных предметов и их качеств, он мало что будет способен познать... От этой способности различения между одной вещью и другой зависят очевидность и достоверность...» [23, с. 204].

Таким образом, судебно-экспертная деятельность принимает участие в формиро-

вании наглядного для правосудия образа предмета, совмещающего в себе и единство, и многообразие. Этот наглядный образ создается в результате деятельности, восприятие в которой не сводится только к пассивному выполнению экспертом судебно-следственных заданий; подобно рассудку, в правосудии экспертиза осуществляет акт синтеза достоверности. Наряду с этим достоверность формируется «усмотрением суда» как результат судопроизводства – процессуально определяемое единство доказательств, подтверждаемое в многообразии фактов и доводов участников процесса, включая экспертов.

Положив в основу достоверности постулат о раздельном функционировании двух способов познания – экспертного и судебного, можно выявить: во-первых, принцип достоверности СЭД как нечто единое и самостоющее; во-вторых, единство понятий достоверности, которыми оперирует правосудие; в-третьих, дистанцию, отделяющую судебно-экспертную деятельность как вид познавательной деятельности; в-четвертых, совмещение в этой деятельности противоположных начал, одновременно и единства, и многообразия – в частности, в наглядно созерцаемом предмете доказывания.

Создание концептуального образа предмета, соответствующего экспертному знанию, не совпадающего с формализованными образами конкретных составов правонарушений или иных предметов доказывания, но в противоположность им воплощающих в процессуальной форме смысл понятия достоверности, «равной достоверности арифметических и геометрических доказательств» [13]. Это позволяет утверждать, что в СЭД принцип достоверности предстает в виде наглядно созерцаемой сущности, в точности соответствующей своему понятию, по словам Канта, как «искусство... проследить и вывести наружу». Но именно благодаря приемам экспертного знания сущность явления доступна непосредственному усмотрению правосудия, притом таким образом, что все характеристики явления с исчерпывающей полнотой оказываются самоочевидными, не требующими для своего сознания ничего выходящего за рамки доказывания. Поэтому, на наш взгляд, представления о достоверности процессуалистов и экспертов не всегда совпадают. Так, мнение о том, что «оценка любого доказательства с точки зрения до-

стоверности предполагает сопоставление и сравнение этого доказательства не с объективной действительностью, а с другими доказательствами по делу, со сведениями, полученными из иных источников» [10], не выдерживает критики со стороны экспертного сообщества, поскольку эксперт оперирует не «доказательствами», а фактами объективной действительности.

СЭД включает в себя восприятие объекта исследования экспертом. Это восприятие наделяется дополнительной функцией: помимо получения правосудной задачи извне, эксперт определяет способ ее осознания и выдает упорядоченное знание. Но при этом он не подвергает сомнению ни один из тезисов о том, что данность любой сущности в созерцании правосудия предполагает наличие оценочного состояния, поскольку у правосудия нет ничего, что было бы дано эксперту как недоступное к рассмотрению. Задание на экспертизу дается в случае, если правосудием произведено первичное осознание предмета. На этой фазе правосудие пассивно отображает свойства объекта, существенного для процесса доказывания. Последующий облик, в котором объект предстанет перед правосудием, формируется при активном участии экспертного знания, но момент «заданности» указывает на присутствие в исследуемом экспертом предмете характеристик, которые не могут быть порождены экспертизой.

Экспертное познание – это активность в чистом виде; достоверность же чего-либо как данного экспертному познанию, а не произведенного им, предполагает наличие у эксперта способности регистрировать факт столкновения с чем-то, находящимся за пределами сознания, т. е. пассивной способности, позволяющей ему получать воздействия извне, от объекта. В этом объединяются акты познания двух типов. С одной стороны, правосудие участвует в формировании экспертного знания, упорядочивая и связывая воедино материал, поставляемый в ходе судопроизводства. С другой, экспертное знание является как-бы дискурсивной способностью, формирующей понятия и обеспечивающей способы оперирования ими без эксперта.

Акты экспертного знания, структурирующие и организующие материал судебного восприятия, являются фундаментальными познавательными актами, лежащими в основании правосудия; второй тип мыслительных актов играет позитивную роль в

правосудии лишь постольку, поскольку они опираются на непосредственное знание суда, получаемое без помощи экспертных актов. Акты экспертного знания, по существу, «обслуживают» акты судебного созерцания, поэтому принцип достоверности демонстрирует невозможность их раздельного функционирования, выявляющую суть взаимосвязанных элементов единого сложноорганизованного процесса судебного доказывания.

Если последовательно придерживаться взгляда на правосудие как на начало, вносящее форму в экспертное познание, благодаря которому познаваемый экспертом предмет предстает в виде предмета доказывания, то нераздельное единство рассудочного и чувственного моментов в определении достоверности становится самоочевидным. Но при таком взгляде на достоверность в совершенно новом свете предстает такое понятие, как «внутренняя убежденность суда», когда считается, что вещь не может быть иной, чем о ней рассудил суд. Существует ли вообще подобная достоверность как прочная и несокрушимая убежденность правосудия? По крайней мере, очевидно, что ее может и не быть в отношении тех вещей, которые эксперт воспринимает смутно или не вполне ясно. Ведь любая неясность дает повод усомниться в достоверности. По словам Декарта, «не бывает такой уверенности и в отношении тех вещей, кои мы воспринимаем хотя и ясно, но только лишь чувством, ибо мы часто отмечаем, что в нашем чувстве может обнаружиться ошибка...» [14, с. 117].

Особенно это видно на примере предметов экспертного теоретического знания. Любой из подобных предметов является созерцаемым для правосудия. Теоретические объекты отличаются от эмпирических двумя основными особенностями: во-первых, они доступны судебному восприятию лишь потенциально; во-вторых, они раскрываются перед судом только в случае, если последний будет оценивать его содержание с помощью познавательных процедур, производимых в соответствии с теми правилами, которыми пользовался эксперт. Когда суд воспринимает ту или иную вещь, он использует комплекс познавательных операций, выполняемых автоматически, причем в разное время для восприятия той же самой вещи могут использоваться другие наборы познавательных операций. Если учесть, что множество исходных операций обычно

четко не определено и объединение этих операций в один сложный познавательный акт производится бессознательно разными способами, то станет понятно, почему одна и та же вещь может восприниматься судом по-разному. Теоретические объекты более «размыты» вследствие отсутствия у суда четких правил, предопределяющих, какие операции по отношению к теоретическим объектам (доктринальным или мыслительным) он должен произвести и в каком именно порядке.

Если же суд руководствуется строго определенным набором операций – например, когда «доктринальная калька» была заранее сформулирована в виде преюдиции или прецедента, то независимо от того, кто и когда их применяет по отношению к определенному объекту, результат будет один и тот же. Алгоритмы теоретического знания задают аналогии, в которых обязательно предстает похожий или категоризованный объект, воспринимаемый с помощью определенных познавательных операций. Эти аналогии, в частности экспертного знания, предназначены, следовательно, для организации юридического восприятия. Они отличаются от эмпирического познания структуризацией. В теоретическом знании предполагается, что объект всегда обладает определенными в теории характеристиками. Теория в данной линии рассуждений оказывается наделенной не только свойством воздействия на правосудие извне, но и носителем активного, нормообразующего начала – априорных форм познания.

Наличие в познавательной деятельности правосудия двух вышеназванных форм накладывает на предметные характеристики экспертного познания необходимость структурирования, регуляторного, закономерного характера в постоянстве, с которым воспроизводятся определенные теоретические и эмпирические связи между предметами исследований. Например, причинно-следственная связь определяется временным соотношением «предшествующее – последующее», пространственное восприятие – соотношением «форма – объем» и т. п. При таком подходе концептуальная структуризация экспертного познания сводится к выбору определенных отношений необходимого характера связи, фиксируемой процессуальным отношением.

Альтернативой может быть концепция непосредственного правосудного знания, постулирующая возможность созерцания

не только индивидуальных определенным образом упорядоченных элементов, но и универсальных теоретических сущностей, например гуманизма, справедливости, милосердия и др. В отличие от конкретных эмпирических объектов универсальные сущности являются носителями исключительно идеологических свойств, соответствующих общепринятым понятиям. Свойства универсальных сущностей позволяют объединять их в отдельные виды, не смешивая их со случайными, индивидуальными признаками, как это принято в эмпирическом познании. Без оперирования универсальными сущностями, общепринятыми концептуальными понятиями, правосудие не может достичь рационального понимания предмета доказывания. Но универсальные сущности нельзя систематизировать так, как это принято в юридическом классификаторе. Их нельзя сгруппировать индуктивным путем по конкретным объектам экспертного знания в их сопоставлении, которое выведет их общие признаки и сходство друг с другом. Для рационалистической традиции правосудия более убедительным является аргумент Платона: общее, чтобы быть выделенным во многих вещах, должно быть сначала выделено в чистом виде, созерцаемо само по себе, – иначе неизвестно, что именно следует выделять при сопоставлении различных объектов [31]. Понимание теоретических универсальных сущностей отличается от судебного созерцания конкретных объектов прежде всего тем, что характеристики теоретических объектов формируются самим судом в соответствующем процессуальном акте.

Концептуальное творчество правосудия проявляется именно в создании сущностей-универсалий, выполняющих структурирующие функции в понимании любого предмета экспертного знания, как эмпирического, так и теоретического. Акт экспертизы сам по себе не дает возможности выделить структуру объекта в цепи доказывания; чтобы ее увидеть, необходимо от материально-экспериментального созерцания перейти к категориальному, от восприятия, скажем, конкретного следа к восприятию личности виновного. Вычленение предмета, данного в процессуальном значении, от его индивидуальных свойств достигается путем мысленного варьирования его признаков с целью исключения тех из них, которые не входят в предмет доказывания; в результате остаются только существенные

юридические характеристики. Экспертное варьирование свойств объекта устраняет из восприятия правосудием конкретного вывода и предлагает альтернативу фактическому и несущественному различию признаков этого объекта, соотносимого с предметом доказывания.

Можно ли, однако, достичь этим путем искомой цели: сформировать понятие достоверности, которое, во-первых, будет восприниматься ясно и отчетливо, во-вторых, будет обладать однозначной определенностью, в-третьих, будет восприниматься как имеющая именно эту определенность в судебной-экспертной деятельности?

Очевидно, что нельзя выделить структуру, определяющую достоверность в созерцании, если она не имеет индивидуальных свойств, присущих тому или иному конкретному объекту. В своем последнем трактате о достоверности Л. Витгенштейн указывает, что еще нет системы, в которой достоверность была бы равным образом доказанной для всех [32]. Поскольку неясно, что должен предпринять суд, чтобы достичь понимания любой универсальной сущности, не прибегая к абстрагированию характеристик, содержащихся в восприятиях конкретных предметов, он скорее декларирует необходимость достоверности, а не предлагает обеспечивающий достоверность метод.

Однако в анализе структуры экспертного знания (как теоретического, так и эмпирического) возникает проблема наглядной репрезентации содержания и смысла решения экспертной задачи. Продуктивная способность экспертного знания напрямую зависит от возможности качественно представить его правосудию. Правосудие «руководит» конструированием задач-схем, создаваемых с помощью экспертного знания. При постановке экспертной задачи как бы отпечатывается содержание соответствующего понятийного образа судопроизводительного мышления; это же понятийное содержание оказывается реализованным при экспертном исследовании конкретных предметов. По этой причине наглядные образы экспертного знания могут иметь единственную интерпретацию достоверности для правосудия.

Если образ, созданный продуктивной способностью экспертизы, воспринят эмпирическим мышлением правосудия, то последнему остается лишь извлечь из представленного понятийный смысл и выразить его в итоговом решении, констатировав до-

стоверность экспертного заключения. Вместе с тем не существует однозначной связи между воспринимаемым судом образом и его смысловым экспертным содержанием. Но один и тот же предмет, как известно, может описываться с помощью разных понятий. Смысл предмета экспертного знания предопределяется, следовательно, направленностью внимания правосудия, реализуемой в судебном акте. В зависимости от того, что суд хочет увидеть в предмете, на который было направлено экспертное знание, правосудие может оперировать отличающимися друг от друга предметными признаками. Их характеристики могут определяться двумя факторами: тем, что непосредственно дано в созерцании, и интерпретацией экспертного знания. Усмотрение одной и той же тождественной предметной структуры в различных судебных актах не редкость не только для отечественного, но и для зарубежного и межгосударственного правосудия.

Достоверность будет необъяснимой, если не предположить, что наряду с изменчивым обликом предмета в судебных актах может воспроизводиться разное смысловое содержание, в значительной степени формируемое независимо от экспертного знания. Однако это становится возможным ввиду присутствия в различных актах правосудия инвариантного фактора – интенции экспертного знания по усмотрению суда. При этом единое предметное содержание экспертного знания в этих случаях может быть утеряно или девальвировано.

Итак, функция имплементации экспертного знания в судебном акте заключается в выделении предметно-смысловой структуры СЭД в виде принципа достоверности. Следует, однако, заметить, что способ выделения этой структуры не совсем ясен, ввиду незавершенности его инкорпорации как в законодательство, так и в судебную практику. Правовое закрепление принципа достоверности как предметно-смысловой области означает, с одной стороны, выявление соотношений и связей, присущих самому предмету экспертного знания; достоверность усматривается (воспринимается и отображается) в виде сущностной структуры предмета познания, который без каких-либо искажений, с очевидностью и полнотой раскрывается перед правосудием. С другой стороны, введение в закон принципа достоверности впервые создает смысловую структуру, где достоверность,

таким образом, оказывается одновременно и функционально-активным началом, и чисто рецептивной способностью СЭД.

Противоречие возникает вследствие признания существования у суда особой способности внекатегориального понимания доказательств, сходной со способностью произвольной трактовки выводов эксперта. Категориальное понимание всегда производно от материального восприятия объекта и установления фактов по рациональным методикам, тогда как в судебном усмотрении может быть квалифицирован только индивидуальный предмет. Достоверность «мыслительных форм», т. е. теоретических сущностей-универсалий, – прерогатива не только правосудия, но и экспертизы. Именно поэтому акт верификации достоверности становится центром всей познавательной деятельности как правосудия, так и экспертной деятельности, независимо от того, носит ли достоверность теоретический или же эмпирический характер.

Следовательно, достоверность восприятия есть основной модус правосудия, неперемное условие судебно-экспертной деятельности. Это означает, что достоверность предстает как совмещенные друг с другом акты независимого восприятия фактов. Поскольку экспертное знание рассматривается в качестве первичного восприятия, на вопрос о том, каким образом происходит его совмещение с судебным восприятием, дать ответ невозможно. Тем не менее механизмы, обеспечивающие восприятие категориальной структуры факта, подчинены в обоих случаях принципу достоверности, как общее начало, определяющее единство предмета доказывания и его процессуальной формой.

Чтобы раскрыть понятие принципа достоверности и механизмы его обеспечения, следует, как нам представляется, вернуться к рассмотрению экспертной познавательной деятельности. В основу принципа достоверности познания положены следующие допущения:

а) осуществление любого познавательного акта, позволяющего эксперту достичь достоверного знания о предмете, предполагает функционирование двух способностей – чувственного и рационального восприятия;

б) способность чувственного экспертного восприятия обеспечивает регистрацию материальных воздействий, поступающих

от объекта, их первичную обработку и фиксацию материальных свойств объекта;

в) осознание достоверности – это концентрация внимания на том, что до этого оставалось за пределами экспертного знания, когда все характеристики, образующие в совокупности концептуально постижимую форму сущности знания, формируются в заключительном акте, с помощью которого экспертное знание получает процессуальное оформление и превращается в осознаваемую правосудием данность.

Таким образом, при построении модели СЭД мы исходим из предположения, что принцип достоверности представляет собой результативное воздействие и одновременно концептуализацию экспертного знания в виде сущностей, обладающих той или иной силой воздействия на правосудие. Поскольку в акте экспертного восприятия (как и судебного) задействованы оба начала познания – выполнение функций правосудия предполагает их совместное и согласованное функционирование, – механизм обеспечения достоверности представляет собой сложноорганизованную процедуру установления юридических фактов. Процедура категориального восприятия фактов складывается из процессуальных форм восприятия – набора операций, реализуемых правосудием с помощью экспертизы, и интерпретации ее восприятий и познаний с позиций доказательственной концентрации внимания на определенном явлении или правоотношении. Непосредственное усмотрение судом достоверности факторов, определяющих структуру экспертного знания, требует беспристрастного осуществления процедур восприятия правосудием (судом, сторонами в деле, участниками процесса) по четко определенным правилам, в соответствии с заранее сформулированными алгоритмическими предписаниями, которые могут быть воспроизведены, проверены и подтверждены.

Но при помощи каких познавательных операций правосудие констатирует наличие достоверности у воспринимаемого объекта? Со времен Платона этот вопрос занимает теорию познания. При всем многообразии и различии концепций, выдвинутых в ходе развития права, логики и философии, большинство мыслителей и ученых, анализируя понятие свойства, исходили из предположения, что на любое недостоверное свойство, выделяемое в процессе исследования, можно указать отдельно. До-

стоверность мыслилась как сущность, режюмирующая познание.

В процессе познания эксперт оперирует не только изолированными сущностями, выделенными с помощью экспертного задания, но часто он использует и операции другого рода, а именно различения или противопоставления. При этом формируются одновременно несколько противопоставляемых сущностей, выделяемых как элементы соотношения достоверного и недостоверного. Противопоставляемые сущности могут быть зафиксированы вне процессуального контекста предмета доказывания, однако ни один из объектов экспертного исследования не является самостоятельным, замкнутым, безотносительным к судопроизводству, поэтому критерии достоверности исходных данных и последующих выводов экспертизы не могут существовать друг без друга.

Проблема выделения критериев достоверности первичных данных столь же сложна, как и проблема категорирования степеней достоверности экспертного знания. Умозрительные свойства объекта, выделяемые при формулировании экспертной задачи, могут быть отождествлены с субъективными, а элементы, выявленные в результате исследования, – с объективными. Такое отождествление, по-видимому, не вполне корректно – ведь к нему можно было бы прибегнуть лишь для того, чтобы, не вдаваясь в логические тонкости, продемонстрировать сам факт использования в судопроизводстве когнитивных возможностей разного типа для концептуализации данных экспертного исследования. Однако индивидуальные свойства объектов, как с точки зрения обыденного сознания, так и согласно теории формальной логики, представляют собой предметные структуры, соответствующие определенным классам, множествам типов объектов экспертных исследований. Но ни виды экспертиз, ни свойства объектов в действительности не являются первичными элементами рационального знания о достоверности. Это становится очевидным, если проблему достоверности исходных данных знания проанализировать на уровне материалистического восприятия.

Структуризация достоверности в воспринимаемом явлении производится путем выделения в нем, с одной стороны, элементов свойств, с другой – отношений, приписываемых явлениям в процессуальном

контексте, относимости к предмету доказывания. Исходные данные исследования – это сущности, обозначаемые правосудием, а свойства – суть характеристики этих сущностей, соответствующие предикатам определенных правоотношений. Эксперт, воспринимая то или иное явление, автоматически расчленяет его на составляющие, соответствующие категориям права. Он как бы видит его в концептуально преобразованном виде, состоящем из рациональных сущностей и характеристик, каждая из которых обязательно подпадает под определенную категорию правоотношений.

Расчленение воспринимаемого явления на части, соответствующие правовым категориям, позволяет сформировать интерсубъективный образ достоверного явления, который может быть адекватно описан в юридическом акте и благодаря этому стать доступным правосудию. Но является ли акт создания интерсубъективного образа первичным актом формирования достоверного знания? Можно ли утверждать, что, созерцая некоторое явление или предмет, эксперт с самого начала воспринимает его расчлененным на достоверное и ложное?

Подводя итог сказанному, следует признать, что анализ структуры понятия достоверности убеждает в том, что для превращения реального объекта в предмет достоверного знания, непосредственно данного эксперту в акте созерцания и осознаваемого им как обладающий различными характеристиками, необходимо выполнить познавательные операции, объединяющие в себе два момента. С одной стороны, осуществление акта чувственного восприятия, с другой – определенный способ концентрации внимания на воспринимаемом. Эксперт, как правило, оперирует многомерными образами, в форме которых объединены результаты многих познавательных операций. Сложная, интегральная форма многомерных сущностей возникает в итоге последовательного выполнения элементарных познавательных актов. Акт экспертизы сообщает осознаваемому процессуальную форму, фиксирующую содержание уже выделенной единицы знания, не изменяя ее характеристик.

При таком истолковании формализация научной теории достоверности уже не выглядит как элемент судопроизводства. Сама постановка задачи формализации достоверности экспертного знания приобре-

тает глубокий содержательный смысл: она позволяет выявить и зафиксировать наиболее фундаментальные характеристики объектов экспертных исследований. Эти характеристики могут быть выявлены только в процессе экспертного восприятия. Для этого потенциальные объекты экспертных исследований должны быть актуально классифицированы с фиксацией характеристик их достоверности. Но, к сожалению, их нельзя описать и ввести с помощью каких-либо юридических средств, путем интерпретации правовых терминов на все случаи жизни. Невозможно сформировать код универсума идеальных сущностей, обладающих процессуальной формой достоверности. Их можно выявить только на уровне практического экспертного знания и процессуаль-

но закрепить в акте экспертизы. Поэтому в идеале построение системы достоверного знания не может начинаться с введения алгоритмизированной комбинации признаков достоверности.

Главное преимущество закрепления принципа достоверности состоит в том, что, поскольку его признаки различимы и распознаваемы, все операции, производимые экспертом и правосудием, могут быть сформулированы однозначно. Достоверность в функционировании систем судебно-экспертного знания является правовым императивом формализации теории в актах экспертиз, интерпретируемых правосудием как принцип познания и одновременно как принцип судебно-экспертной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств: в связи с судостроительством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001. XVIII, 93 с.
2. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.
3. Барыгина А.А. Критерии допустимости доказательств в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2016. 190 с.
4. Ерпылёв И.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе России и зарубежных стран. М.: Юрлитинформ, 2017. 148 с.
5. Галышина Е.И., Голикова В.В., Дмитриев Е.Н. и др. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. 544 с.
6. Нахова Е.А. К вопросу об актуальных проблемах доказательственного права в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3. С. 255–264.
7. Молчанов В.В. Состязательная форма судопроизводства и достоверность доказательств // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 12. С. 7–11.
8. Балакшин В.С. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью // Законность. 2014. № 3. С. 8–14.
9. Кухта А.А. К вопросу о стандарте судебной достоверности в виде «отсутствия разумных сомнений» // Российский судья. 2007. № 4. С. 18–20.
10. Овсяников И.В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России // Современное право. 2004. № 7. С. 35–41.
11. Амосов С. О вероятности и достоверности выводов арбитражного суда // Хозяйство и право. 1997. № 12. С. 130–133.
12. Рарог А.И., Грачева Ю.В. Понятие, основание, признаки и значение судебного усмотрения в уголовном праве // Государство и право. 2001. № 11. С. 51–57.

REFERENCES

1. Spasovich V.D. *On the theory of criminal evidence in relation to judicial system and judicial procedure*. Moscow: LeksEst, 2001. XVIII, 93 p. (In Russ.).
2. Strogovich M.S. *Substantive truth and judicial evidence in the Soviet criminal procedure*. Moscow-Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. 384 p. (In Russ.).
3. Barygina A.A. *Criteria of evidence admissibility in criminal proceedings*. Moscow: YurLitinform, 2016. 190 p. (In Russ.).
4. Erpylev I.V. *Evidence admissibility in criminal courts in Russia and abroad*. Moscow: YurLitinform, 2017. 148 p. (In Russ.).
5. Galyashina E.I., Golikova V.V., Dmitriev E.N., et al. *Forensic science: typical mistakes*. Moscow: Prospekt, 2012. 544 p. (In Russ.).
6. Nakhova E.A. Current problems of the rules of evidence in civil procedure. *The Leningrad legal journal = Leningradskii yuridicheskii zhurnal*. 2016. No 3. P. 255–264. (In Russ.).
7. Molchanov V.V. Adversarial form of judicial proceedings and validity of evidence. *Arbitration and Civil Litigation*. 2014. No 12. P. 7–11. (In Russ.).
8. Balakshin V.S. Correlation of evidence admissibility with its relevance and validity. *Legality = Zakonnost'*. 2014. No 3. P. 8–14. (In Russ.).
9. Kukhta A.A. The standard of judicial proof «beyond reasonable doubt». *Russian Judge*. 2007. No 4. P. 18–20. (In Russ.).
10. Ovsyanikov I.V. The problem of evidence validity in rules of evidence in Russia. *The Modern Law*. 2004. No 7. P. 35–41. (In Russ.).
11. Amosov S. Probability and reliability of arbitration court rulings. *Economy and law = Khozyaistvo i pravo*. 1997. No 12. P. 130–133. (In Russ.).
12. Rarog A.I., Gracheva Yu.V. Concept, basis, features and value of judicial discretion in criminal law. *State and law = Gosudarstvo i pravo*. 2001. No 11. P. 51–57. (In Russ.).

13. Декарт Р. Соч. в 2 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
14. Декарт Р. Соч. в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 634 с.
15. Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. М.: URSS, 2010. 304 с.
16. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 592 с.
17. Юм Д. Соч. в 2 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1996. 735 с.
18. Фихте И.Г. Соч. в 2 томах. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. 687 с.
19. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. 484 с.
20. Кант И. Сочинения 1747–1777 гг. в двух томах. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1940. 528 с.
21. Гегель В.Ф. Соч. в 14 томах. Т. 4. М.: Соцэкгиз, 1959. 440 с.
22. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Российский судья. 2016. № 6. С. 12–16.
23. Локк Д. Соч. в 3 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
24. Гаврилов Б.Я. Об ограничении судейского усмотрения при назначении уголовного наказания // Конституционные основы уголовного права. Материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: ТК Велби, 2006. С. 123–128.
25. Рарог А.И., Степалин В.П. Судейское усмотрение при назначении наказания // Государство и право. 2002. № 2. С. 36–42.
26. Ларин А.М. От следственной версии к истине. М.: Юрид. лит., 1976. 200 с.
27. Пантелеев В. Исследование достоверности письменных доказательств в гражданском процессе // Советская юстиция. 1975. № 5. С. 4–6.
28. Матюшин Б. Оценка достоверности доказательств судом // Советская юстиция. 1979. № 18. С. 14–15.
29. Савицкий В.М., Ларин А.М. Уголовный процесс: словарь-справочник. М.: Ин-т государства и права РАН, 1999. 270 с.
30. Фихте И.Г. Соч. в 2 томах. Т. II. СПб.: Мифрил, 1993. 798 с.
31. Платон. Соч. в 4 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 860 с.
32. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67–120.
13. Descartes R. *Collected works in two volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1989. 654 p. (In Russ.).
14. Descartes R. *Collected works in two volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1994. 634 p. (In Russ.).
15. Gil'bert D., Akkerman V. *Foundations of theoretical logic*. Moscow: URSS, 2010. 304 p. (In Russ.).
16. Kant I. *Critique of Pure Reason*. Moscow: Mysl', 1994. 592 p. (In Russ.).
17. Hume D. *Collected works in two volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1996. 735 p. (In Russ.).
18. Fikhte J.G. *Collected works in two volumes*. Vol. 1. St.-Petersburg: Mifril, 1993. 687 p. (In Russ.).
19. Leibniz G.W. *New essays concerning human understanding*. Moscow-Leningrad: Sotsekgiz, 1936. 484 p. (In Russ.).
20. Kant I. *Collected works from 1747-1777 in two volumes*. Vol. 2. Moscow: Sotsekgiz, 1940. 528 p. (In Russ.).
21. Hegel W.F. *Collected works in 14 volumes*. Vol. 4. Moscow: Sotsekgiz, 1959. 440 p. (In Russ.).
22. Aminev F.G. On Some Problems of Forensic Activity in the Russian Federation. *Russian Judge*. 2016. No 6. P. 12–16. (In Russ.).
23. Locke J. *Collected works in three volumes*. Vol. I. Moscow: Mysl', 1985. 621 p. (In Russ.).
24. Gavrilov B.Ya. On restricting judicial discretion in criminal sentencing. *Constitutional foundations of criminal law: Materials of the First All-Russian congress on criminal law marking the 10th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow: Velbi, 2006. P. 123–128. (In Russ.).
25. Rarog A.I., Stepalin V.P. Judicial discretion in sentencing. *State and Law = Gosudarstvo i pravo*. 2002. No 2. P. 36–42. (In Russ.).
26. Larin A.M. *From investigative version to truth*. Moscow: Yurid. lit., 1976. 200 p. (In Russ.).
27. Panteleev V. Examining the validity of written evidence in the civil process. *The Soviet justice = Sovetskaya yustitsiya*. 1975. No 5. P. 4–6. (In Russ.).
28. Matyushin B. Assessment of evidence validity by court. *The Soviet justice = Sovetskaya yustitsiya*. 1979. No 18. P. 14–15. (In Russ.).
29. Savitskii V.M., Larin A.M. *Criminal trial: A dictionary*. Moscow: Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences, 1999. 270 p. (In Russ.).
30. Fikhte J.G. *Collected works in two volumes*. Vol. 2. St. Petersburg: Mifril, 1993. 798 p. (In Russ.).
31. Platon. *Collected works in 4 volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1990. 860 p. (In Russ.).
32. Wittgenstein L. On certainty. *Problems of Philosophy = Voprosy filosofii*. 1991. No 2. P. 67–120. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьев Игорь Александрович – начальник филиала Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации по Московской области; e-mail: fmo@sudexpert.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Grigor'ev Igor' Aleksandrovich – Head of the Moscow Region Branch of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: fmo@sudexpert.ru.